ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Предложения с предлогом «БА» при непереходных глаголах-предикативах состояния в китайском языке как квазиэргативные конструкции

Курдюмов В. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить коммуникативно-стилистические детерминанты, побуждающие носителей китайского языка передавать сообщение о событии «от претерпевающего» при помощи конструкций с предлогом Ба/bǎ при непереходных глаголах и предикативах состояния, где, согласно базовым правилам грамматики, предлога быть не должно. Научная новизна заключается в том, что такие предложения впервые рассматриваются как квазиэргативные («эргативоподобные») в рамках рабочего определения эргативности, предложенного автором ранее, и сопоставляются с русскими безличными предложениями с винительным падежом претерпевающего, а также с данными тайваньского гоюй, тополектов и памятников эпох Юань и Мин. Предлог Ба/bǎ рассматривается как позиционная единица, колеблющаяся в диапазоне между позициями глагола, предлога и классификатора, как аналитический эквивалент русского винительного падежа и как критерий переходности. В результате показано, что единственный участник неаккузативного глагола оформляется предлогом Ба/bǎ так же, как пациенс переходного глагола, а позиция подлежащего (топика) не заполнена или занята обстоятельством субъективной модальности. Установлено, что такие «нетипичные» предложения несут семантику неблагоприятности («случилось так, что…», «угораздило»): событие подаётся как неподконтрольное и нежелательное. Выбор конструкции с Ба/bǎ вместо топиковой конструкции или пассива с предлогом Бэй/bèi мотивирован оценкой говорящего, имплицитной ответственностью и стилистической маркированностью; для неаккузативных глаголов, не образующих пассива с Бэй/bèi, эта конструкция фактически заполняет его нишу. Ближайшими русскими эквивалентами являются безличные предложения с винительным падежом, а не возвратные или пассивные конструкции.

EN

Chinese “bǎ”-sentences with intransitive stative predicates as quasi-ergative constructions

V. A. Kurdyumov

Abstract. The aim of the study is to identify the communicative and stylistic determinants that lead speakers of Chinese to present an event from the perspective of the undergoer by means of constructions with the preposition “bǎ” with intransitive verbs and stative predicates, where, according to the basic rules of grammar, the preposition should not appear. The scientific novelty lies in the fact that such sentences are treated for the first time as quasi-ergative (ergative-like) within the working definition of ergativity proposed earlier by the author and are compared with Russian impersonal sentences with an accusative undergoer, as well as with data from Taiwanese Guoyu, Chinese topolects and Yuan and Ming texts. “Bǎ” is treated as a positional unit oscillating between the positions of verb, preposition and classifier, as an analytic counterpart of the Russian accusative case and as a criterion of transitivity. As a result, it is shown that the sole argument of an unaccusative verb is marked by “bǎ” in the same way as the patient of a transitive verb, while the subject (topic) position is either empty or filled by an adverbial of subjective modality. Such “atypical” “bǎ”-sentences are found to carry adversative semantics (‘it so happened that…’, ‘had the misfortune to…’): the event is presented as uncontrolled and undesirable. The choice of the “bǎ”-construction over a topic construction or a “bèi”-passive is motivated by the speaker’s evaluation, implicit responsibility and stylistic marking; for unaccusative verbs, which do not form “bèi” - passives, the “bǎ”-construction in effect fills the passive niche. The closest Russian equivalents are impersonal sentences with an accusative undergoer rather than reflexive or passive constructions.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260549

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что конструкции с предлогом 把 /bǎ/ остаются одной из наиболее сложных тем как теоретической грамматики китайского языка, так и его преподавания русскоязычным учащимся. Их «нетипичные» употребления при непереходных глаголах, включённые в кодификатор высших уровней экзамена HSK 3.0, в учебных курсах обычно не объясняются и при чтении и переводе систематически получают ошибочное толкование, что требует их специального лингвистического описания и сопоставления с русскими функциональными эквивалентами.

В настоящей статье продолжено исследование аналогов пассива и эргативности в китайском (КЯ) и русском (РЯ) языках (Курдюмов, 2023). Главный вывод статьи 2023 г. заключался в том, что формальные средства выражения пассива закономерно существуют в обоих языках (предлоги в КЯ, залоговые причастные формы в РЯ), однако в разговорной речи носители часто или даже чаще всего избегают их употребления, используя вместо них конструкции, условно напоминающие эргативные. В РЯ это особые глагольные формы и типы предложений – возвратные (*Ваза разбилась*), безличные (*Ветром сорвало крышу*), неопределённо-личные (*Его скоро повысят*) и обобщённо-личные (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*), в которых формально активное действие совершается «над самим собой» или «приходит откуда-то со стороны». В КЯ это топиковые конструкции с т. н. условным (номинальным) пассивом типа 茶碗打破了 /Cháwǎn dǎpò le/ «Чашку разбили», которые русскоязычные учащиеся и переводчики систематически трактуют как возвратные («*Чашка *разбилась*»), что ошибочно: в китайских оригиналах отсутствует грамматическая или семантическая возвратность, это типичные топиковые конструкции (Курдюмов, 2023). Семантическая возвратность в КЯ оформляется при помощи местоимения 自己 /zìjǐ/ «себя, сам» как в тайваньском гоюй (далее – ТГЮ), так и в континентальном путунхуа (далее – КонтПТХ); в КонтПТХ в ряде случаев используется также синонимичное, но узуально не совпадающее с 自己 /zìjǐ/ наречие 親自 /qīnzì/ «самолично», которое в разговорном ТГЮ, по наблюдениям автора, почти не встречается и «заменяется» на 自己 /zìjǐ/. Формулировка типа *問題解決了它自己 /wèntí jiějué le tā zìjǐ/ «Вопрос *решил себя сам*» в китайском языке лишена смысла и вызвала бы недоумение у носителей.

В упомянутой статье 2023 г. рассматривались, в частности, случаи с переходными глаголами, то есть ситуации с агенсом и пациенсом, в которых топиком становится пациенс.

Не менее интересен, однако, вопрос о заведомо непереходных глаголах: участник действия (актант) здесь один, и он сам «претерпевает» событие (*заболел, умер, сбежал* – с точки зрения РЯ действие явно исходит от него).

При этом в КЯ обнаруживается несколько неожиданная конструкция: единственный участник (казалось бы, агенс, деятель, по крайней мере оформляемый как таковой в русском языке) маркируется предлогом 把 /bǎ/, типичным показателем пациенса (прямого дополнения).

Непосредственным поводом к данной работе послужили занятия по аналитическому чтению книги Чэнь Цзяньминя «Теория типов предложений современного китайского языка» 「現代漢語句型論」 /Xiàndài Hànyǔ jùxíng lùn/ (陳建民, 1986) на семинаре с магистрантами Московского городского педагогического университета в 2026 г. В ходе занятий участники, как правило, стремились характеризовать подобные предложения с предлогом 把 /bǎ/ как «пассивные», несмотря на отсутствие в них формальных показателей пассива – предлогов-полупрефиксов 被 /bèi/ и 給 /gěi/, предлогов 叫 /jiào/, 讓 /ràng/, 惹 /rě/ и др. – или хотя бы «условного пассива» (топик + комментарий: 茶碗|打破了 /cháwǎn | dǎpò le/ «Чашка | разбили»). Как показано ниже, подобная «интуиция» может иметь исторические основания: в языке юань-минской драмы (эпох Юань и Мин, XIII-XVII вв.) и в ряде современных тополектов 把 /bǎ/ способен выступать в функции, близкой к функции показателя пассива 被 /bèi/ (либо позднее был упрощённо истолкован подобным образом в китайских континентальных и тайваньских словарях).

Парадоксально, однако, что сам Чэнь Цзяньминь описывает этот тип в разделе «把後的N是V的施事 /bǎ hòu de N shì V de shīshì/» («Имя после предлога 把 /bǎ/ представлено актором»), то есть квалифицирует N (имя) не как пациенса, а как деятеля/актора/агенса (陳建民, 1986, с. 136). «Деятель», тем не менее, оформлен как объект распоряжения (處置 /chǔzhì/). Именно такая трактовка находится в пределах рабочего определения эргативности, предложенного автором ранее: субъект действия «кодируется как зависимый от глагола … оформляется предлогом-аналогом падежа» (Курдюмов, 2023, с. 3046). Таким образом, одна и та же конструкция воспринимается учащимися как пассивная, описывается китайским лингвистом как «деятельная», а в рамках указанного определения оказывается «эргативоподобной». Это ставит вопрос о том, какая внешняя коммуникативная детерминанта (условия ситуации, формирующие побуждение) заставляет говорящего выбрать именно 把 /bǎ/, а не топиковую конструкцию или пассив с 被 /bèi/ и синонимичными показателями.

Поскольку в центре внимания статьи находится не разграничение синтаксических категорий как таковых, а способы оформления участников ситуации, ряд терминов используется в ней как контекстные синонимы. Актор, деятель, агенс, субъект действия (ср. кит. 施事 /shīshì/) обозначают участника, от которого (хотя бы формально или предположительно) исходит действие или которому приписывается состояние. Пациенс, объект действия (воздействия), претерпевающий (ср. кит. 受事 /shòushì/ и 當事者 /dāngshìzhě/) обозначают участника, на которого направлено действие или с которым происходит событие. Там, где различие существенно, – прежде всего при сопоставлении единственного участника непереходного глагола с агенсом и пациенсом переходного, – используются типологические обозначения S, A и O.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: охарактеризовать предлог 把 /bǎ/ как позиционную единицу и определить его место в аналитической «падежной» системе КЯ; описать форму, семантику, диалектный и исторический фон конструкции «把 /bǎ/ + именная группа + непереходный глагол» и соотнести её с типологическими понятиями абсолютива, эргатива и неаккузативности; выявить коммуникативно-стилистические факторы (оценка говорящего, неблагоприятность, имплицитная ответственность, стилистическая маркированность), обусловливающие выбор конструкции с 把 /bǎ/ вместо топиковой конструкции и пассива с 被 /bèi/; сопоставить конструкцию с русскими функциональными эквивалентами и выявить типичные ошибки её толкования и перевода; сравнить средства выражения неблагоприятного события в ТГЮ и КонтПТХ; интерпретировать конструкцию в рамках предикационной концепции языка (ПКЯ).

Для решения поставленных задач применялись следующие методы: анализ грамматических и диалектологических (тополектологических) описаний – при характеристике предлога 把 /bǎ/ и описании конструкции; тесты на допустимость с разными классами непереходных глаголов и типологическое сопоставление – при определении её типологического статуса; контекстный и коммуникативно-прагматический анализ вариантов оформления претерпевающего – при выявлении факторов выбора конструкции; сопоставительный и переводческий анализ – при сопоставлении с русскими эквивалентами и с узусом ТГЮ; описание и обобщение – при интерпретации результатов в рамках ПКЯ.

Материалом исследования послужили примеры из грамматик и справочников (陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986; 呂叔湘 [Люй Шусян], 1999) и диалектологических описаний (李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013), а также следующие источники: «Пересмотренный словарь государственного языка» Министерства образования Тайваня (重編國語辭典修訂本), по которому цитируются фрагменты драмы-цзацзюй 楊氏女殺狗勸夫 «Госпожа Ян убивает собаку, чтобы образумить мужа», кодификатор «Стандартов уровней владения китайским языком» (國際中文教育中文水平等級標準(GF0025-2021)), материалы квалификационных экзаменов HSK и TOCFL, неофициальный учебный ресурс “Mandarin Temple” для уровня HSK 7-9. Привлекались также строки из стихотворений танских поэтов Ду Фу (九日藍田崔氏莊 «В девятый день [девятой луны] в усадьбе семьи Цуй в Ланьтяни»; по тексту электронной библиотеки «Викитека» 維基文庫) и Бо Цзюйи (舟中讀元九詩 «В лодке читаю стихи Юаня Девятого»; по: 權芙經 [Цюань Фуцзин], 2012). Кроме того, использованы наблюдения автора над устной речью на ТГЮ, собранные в ходе контактов с носителями ТГЮ и их опросов (Тайвань, 2009-2026). Такие примеры обозначены как ЛА (личный архив автора).

Теоретической базой исследования послужили относительно классические и современные описания конструкции с 把 /bǎ/ (王力 [Ван Ли], 1943; 呂叔湘 [Люй Шусян], 1984; 1999; 朱德熙 [Чжу Дэси], 1982; 陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986; Tsao, 1987; 張伯江 [Чжан Боцзян], 2000; 沈家煊 [Шэнь Цзясюань], 2002; 葉向陽 [Е Сянъян], 2004), работы по истории формирования конструкции и тополектному варьированию (蔣紹愚 [Цзян Шаоюй], 2005; 吳福祥 [У Фусян], 2015; 李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013), исследование эквивалентов эргативных явлений в КЯ (曾立英 [Цзэн Лиин], 2009) и труды по теории эргативности (Курилович, 1946; Havas, 2009; Климов, 2016). При анализе оценочного (аксиологического) компонента высказывания учитывалась работа Л. Г. Викуловой, Е. Ф. Серебренниковой (2014), методический и переводческий аспекты рассматриваются с учётом коллективной монографии (Методика обучения китайскому языку..., 2021), литературный контекст цитируемых памятников – с опорой на работу Т. И. Кондратова (2020), дальневосточный культурно-языковой фон – на монографию «Япония: цивилизация, культура, язык» (2022).

Практическая значимость: результаты могут быть использованы в преподавании КЯ русскоязычной аудитории (в частности, при изложении темы «предложения с 把 /bǎ/» на продвинутом этапе), в вузовских курсах теоретической грамматики, сравнительной типологии и теории перевода, а также при создании учебных и справочных грамматик КЯ.

Обсуждение и результаты

В учебных курсах китайского языка как иностранного, издаваемых в КНР, на Тайване, в Сингапуре и других регионах китайского мира, предлог 把 /bǎ/ и конструкции с ним традиционно считаются одной из наиболее трудно усваиваемых грамматических тем. Им посвящаются отдельные уроки на нескольких уровнях обучения, а ошибки в употреблении 把 /bǎ/ стабильно лидируют в исследованиях межъязыковой интерференции (余文青 [Юй Вэньцин], 2000). Тема сохраняет актуальность и в собственно лингвистических исследованиях: начиная с работ Ван Ли (王力, 1943), который ввёл термин 處置式 /chǔzhìshì/ «конструкция распоряжения», и Люй Шусяна (呂叔湘, 1948) и вплоть до настоящего времени ей посвящено множество статей и докладов (張伯江 [Чжан Боцзян], 2000; 沈家煊 [Шэнь Цзясюань], 2002; 葉向陽 [Е Сянъян], 2004), что свидетельствует о том, что природа 把 /bǎ/ не сводится к простому правилу или аналогии с (индо)европейскими языками. В «классическом» варианте употребление данного предлога вполне адекватно разъяснено, к примеру, в эталонном учебнике Т. П. Задоенко и Хуан Шуин (версия 1977 г.: 2002, с. 392), а «неаккузативный» вариант рассматривается в настоящей статье.

Следует отметить, что в официальном кодификаторе «Стандартов уровней владения китайским языком» (國際中文教育中文水平等級標準 (GF0025-2021), 2021) эта структура описана под номером 460 как 「“把”字句5：表致使（主語+）把+賓語（施事）+動詞+了」 «Предложение с 把, тип 5: каузативное значение – (субъект +) 把 + объект (агенс) + глагол + 了». Речь при этом идёт о высших (7-9) уровнях континентального квалификационного экзамена HSK (漢語水平考試 /Hànyǔ Shuǐpíng Kǎoshì/, букв. «Экзамен на уровень владения китайским языком») в девятиуровневой версии (HSK 3.0) (Chinese Testing International; Mandarin Temple).

В ТГЮ подобные конструкции выглядят не слишком естественными и, по наблюдениям автора, не отражены как раздел или категория даже в материалах уровня “C” тайваньского экзамена TOCFL (Test of Chinese as a Foreign Language – «Тест по китайскому языку как иностранному»; кит. 華語文能力測驗 /Huáyǔwén Nénglì Cèyàn/, букв. «Тест на владение китайским языком (хуаюй) и письменностью»). К примеру, в материалах TOCFL предлагается предложение 她把眼睛哭紅了。 /Tā bǎ yǎnjing kūhóng le/ *«Она выплакала все глаза (глаза покраснели от её плача)»*, которое можно рассматривать как «пограничное»: и как «классическое» аккузативное употребление предлога 把 /bǎ/ («она сделала нечто с тем, что принадлежит ей»), и как конструкцию с оттенком негатива по отношению к «деятелю», если таковым всё же считать 眼睛 /yǎnjing/ «глаза» («глаза + плакать + красный + совершенный вид»). Вполне естественным было бы и топиковое предложение 她 | 眼睛哭紅了。 /Tā | yǎnjing kūhóng le/ «Она | глаза + плакать + красный + совершенный вид», возможно, с усилением при помощи обобщающего наречия 都 /dōu/: 她 | 眼睛 都 哭紅了。 /Tā | yǎnjing dōu kūhóng le/ (ЛА).

Китайский язык как изолирующий является предельно аналитическим: функции, которые во флективных языках выполняют падежные флексии, в КЯ возложены на предлоги, послелоги и их сочетания. В этом смысле 把 /bǎ/ функционально эквивалентен русскому винительному падежу (аккузативу: *кого? что?*): он маркирует прямой объект переходного действия. При этом в синтетически-аналитическом РЯ предлоги с винительным падежом также существуют, несмотря на распространённое представление о винительном падеже как заведомо беспредложном (*рассказать про поездку*, *читать про себя*, *перейти через улицу*, *смотреть через окно, в подарок, в награду, в наказание, купить на сто рублей и т. д.*); *однако замены беспредложного винительного на предложную конструкцию в выражениях типа «читать [эту] книгу» в литературном РЯ нет, если не принимать во внимание современные* жаргонные *выражения типа «обзор на холодильник» вместо нормативного родительного падежа «обзор холодильника»*.

При этом в РЯ предлог скорее отмечает «менее затрагиваемый» объект, а «чистый» винительный падеж – объект исчерпывающего воздействия. У 把 /bǎ/ распределение обратное: предлог маркирует как раз результативное, «исчерпывающее» воздействие.

Объект при 把 /bǎ/ ставится после предлога, но *перед* глагольной группой:

(1) 我把那本書看完了。 /Wǒ bǎ nà běn shū kànwán le/ «Я дочитал ту книгу» (ЛА).

Для «винительного падежа» в языке с базовым порядком SVO это нетипично. Фактически 把 /bǎ/ одновременно выполняет две функции: падежную (маркирует объект) и позиционную (выносит его из постглагольной позиции в предглагольную). Иными словами, конструкция с 把 /bǎ/ представляет собой аналитический «винительный падеж», совмещённый с перестройкой порядка лексем. В рамках ПКЯ это означает, что объект перестаёт быть элементом, замыкающим предложение, и становится отправной точкой, приближаясь по статусу к теме; в ряде исследований утверждается, что 把 /bǎ/ де-факто маркирует вторичный топик (Tsao, 1987). «Топиковая» трактовка 把 /bǎ/ представляется обоснованной, если учесть, что, помимо «чистой» топиковости, Ч. Ли и С. Томпсон (1982, с. 203) рассматривали также явление «эшелонирования» (термин переводчика; в оригинале – serialization), хотя ни авторы, ни переводчик, по-видимому, не стремились раскрыть его в полном виде. Можно предположить, что КЯ пытается оптимизироваться как топиковый язык на любом отрезке высказывания, т. е. последующие компоненты характеризуют предыдущие, образуя де-факто пары «микротопик + микрокомментарий».

Лексема или целая именная группа после 把 /bǎ/ обладает характерным референциальным статусом (吕叔湘 [Люй Шусян], 1984; 張伯江 [Чжан Боцзян], 2000; Задоенко, Хуан Шуин, 2002). Её референт или денотат, как правило, известен всем участникам коммуникации из текста или ситуации либо по крайней мере одному из них (обычно говорящему), общеизвестен в принципе (把地球 /bǎ dìqiú/ «земной шар», 把太陽 /bǎ tàiyáng/ «Солнце») или находится «рядом», то есть доступен в ситуации общения, так что сделать его известным не составляет труда.

Ср. (2) и маловероятное в обычном контексте (2′):

(2) 把門關上！ /Bǎ mén guānshang/ «Закрой дверь!» (конкретную дверь, ту, что рядом) (ЛА).

(2′) *把一扇門關上！ /Bǎ yī shàn mén guānshang/ «Закрой [некую] дверь!» (ЛА).

Внешне неопределённые объекты типа 把一個杯子打破了 /Bǎ yī ge bēizi dǎpò le/ «разбил (один) стакан» не противоречат этому правилу: референт конкретен для говорящего и существует в его дискурсе, например если ситуация произошла на известном застолье или в известном ресторане.

Предлог 把 /bǎ/ выступает маркером переходности глагола: в типичном (аккузативном) употреблении он сочетается только с глаголами, обозначающими воздействие на объект. Ср.:

(3) 看書 /kàn shū/ «читать книгу» → 把書看完 /bǎ shū kànwán/ «дочитать книгу» (ЛА).

(4) 喜歡他 /xǐhuan tā/ «любить его» → *把他喜歡 /bǎ tā xǐhuan/ (ЛА).

Глагол в (4) обозначает состояние, а не действие, поэтому в типичной ситуации общения трансформация недопустима (хотя в экспрессивной ситуации она не исключена). Кроме того, в конструкции с 把 /bǎ/ глагол, как правило, не может функционировать в «чисто корневой», безаффиксальной форме (*把書看 /bǎ shū kàn/): он требует результативного, направительного, аспектного или иного (полу)суффикса, удвоения и т. п. (朱德熙 [Чжу Дэси], 1982). Это ещё раз подчёркивает, что 把/bǎ/ маркирует не просто переходность, а результативное, «исчерпывающее» воздействие на объект.

Показательны в этом отношении *квазипереходные* разговорные конструкции в ТГЮ типа 我住臺北 /Wǒ zhù Táiběi/ «Я живу [в] Тайбэе», 她飛上海 /Tā fēi Shànghǎi/ «Она летит [в] Шанхай». Постглагольное существительное занимает здесь линейную позицию прямого дополнения без предлога, однако обозначает не объект воздействия, а место или конечную точку движения. Именно 把 /bǎ/ может служить критерием, позволяющим отличить такие конструкции от подлинно переходных. Наращивание результативных и аспектных показателей,

количественных дополнений, классификаторов кратности, которое в обычных случаях делает трансформацию с 把 /bǎ/ возможной (ср. *把書看 /bǎ shū kàn/ → 把書看完了 /bǎ shū kànwán le/ «Дочитал книгу»), в подобной ситуации не даёт эффекта, поскольку «жить в Тайбэе» или «лететь в Шанхай» не значит что-либо делать с Тайбэем или Шанхаем.

(5) 我住臺北。 /Wǒ zhù Táiběi/ «Я живу [в] Тайбэе» → *我把臺北住了。 /Wǒ bǎ Táiběi zhù le/ «*Я пожил [в] Тайбэе» / *我把臺北住了三年。 /Wǒ bǎ Táiběi zhùle sān nián/ «*Я прожил [в] Тайбэе три года» / *我把臺北住慣了。 /Wǒ bǎ Táiběi zhùguàn le/ «*Я привык жить [в] Тайбэе» (ЛА).

(6) 她飛上海。 /Tā fēi Shànghǎi/ «Она летит [в] Шанхай» → *她把上海飛了。 /Tā bǎ Shànghǎi fēi le/ «*Она слетала [в] Шанхай» / *她把上海飛到了。 /Tā bǎ Shànghǎi fēidào le/ «*Она долетела [до] Шанхая» (ЛА).

Для вынесения локатива или цели движения требуются не «винительный» 把 /bǎ/, а предлоги 在 /zài/ и 到 /dào/, то есть показатели пространственных, а не объектных отношений.

(7) 我在臺北住了三年。 /Wǒ zài Táiběi zhùle sān nián/ «Я прожил в Тайбэе три года»; 我住在臺北。 /Wǒ zhù zài Táiběi/ «Я живу в Тайбэе» (ЛА).

(8) 她到上海去了。 /Tā dào Shànghǎi qù le/ «Она отправилась в Шанхай»; 她飛到上海了。 /Tā fēidào Shànghǎi le/ «Она долетела до Шанхая» (ЛА).

Позиция локатива (места) как топика при этом допустима (臺北|我住慣了 /Táiběi | wǒ zhùguàn le/ «Тайбэй | я привык жить»), а трансформация с 把 /bǎ/ – нет. Иными словами, 把 /bǎ/ выносит в предглагольную позицию только участника, который осмысливается как объект воздействия. Показательно и обратное: когда при помощи результативного компонента переосмысливается место как объект «исчерпывающего» действия, употребление 把 /bǎ/ становится возможным: 他把臺北的夜市都逛遍了 /Tā bǎ Táiběi de yèshì dōu guàngbiàn le/ «Он обошёл все ночные рынки Тайбэя» (ЛА). Иными словами, критерием служит не некий «исходный» линейный порядок лексем, а семантическая роль.

把 /bǎ/ относится к глаголам-предлогам (動介詞 /dòngjièí/, coverbs), то есть к классу единиц, которые в рамках концепции позиционной морфологии не закреплены за одной частью речи, а колеблются в диапазоне между морфологической позицией глагола и морфологической позицией предлога (Курдюмов, 1999). Исходное значение 把 /bǎ/ – «брать, держать в руке».

Предложное употребление, связанное с вынесением объекта в предглагольную позицию, складывается, по-видимому, в эпоху Тан (618-907 гг. н. э.). Ср.:

(9) 醉把茱萸仔細看。 /Zuì bǎ zhūyú zǐxì kàn/ «Захмелев, беру ветку кизила и внимательно её разглядываю» (杜甫 [Ду Фу], 712-770, «九日藍田崔氏莊» /Jiǔ rì Lántián Cuī shì zhuāng/ «В девятый день [девятой луны] в усадьбе семьи Цуй в Ланьтяни», 758 г.).

(10) 把君詩卷燈前讀。 /Bǎ jūn shījuàn dēng qián dú/ «Беру твой свиток стихов и читаю у лампы» (Бо Цзюйи (白居易), 772-846, «舟中讀元九詩» /Zhōu zhōng dú Yuán Jiǔ shī/ «В лодке читаю стихи Юаня Девятого», 815 г.; Цит. по: 權芙經 [Цюань Фуцзин], 2012).

В приведённых цитатах 把 /bǎ/ ещё допускает двоякую трактовку – как глагол («беру») и как показатель объекта (王力 [Ван Ли], 1943; 權芙經 [Цюань Фуцзин], 2012), то есть колеблется между двумя позициями или даже между тремя, если считать промежуточной позицию деепричастия (описание действия при помощи свёрнутого упоминания другого действия; в принципе, любой предлог можно рассматривать как результат дальнейшего свёртывания из позиции деепричастия).

В современных вариантах КЯ, основанных на пекинском диалекте (путунхуа, гоюй, хуаюй), 把 /bǎ/ в свободной синтаксической позиции глагола практически не употребляется, и глагольное значение сохраняется лишь в устойчивых сочетаниях: 把門 /bǎmén/ «стеречь вход», 把關 /bǎguān/ «контролировать», 把舵 /bǎduò/ «держать штурвал; стоять у руля», 把脈 /bǎmài/ «щупать пульс», а также в отдельных свободных употреблениях типа 他把著方向盤 /Tā bǎzhe fāngxiàngpán/ «Он держит руль».

Кроме того, 把 /bǎ/ занимает позицию классификатора (диапазон: глагол → [герундий] → [существительное] → классификатор для существительных, классификатор-показатель кратности), производного от действий руки, причём в нескольких направлениях. Он обозначает, во-первых, «то, за что держат» (рукоять): – 把刀 /yī bǎ dāo/ «нож», – 把傘 /yī bǎ sǎn/ «зонт», – 把扇子 /yī bǎ shànzi/ «веер», – 把鑰匙 /yī bǎ yàoshi/ «ключ», – 把茶壺 /yī bǎ cháhú/ «чайник», – 把椅子 /yī bǎ yǐzi/ «стул» (ср. существительные 把手 /bǎshou/ «ручка», 車把 /chēbǎ/ «руль велосипеда»); во-вторых, «сколько захватывает рука» (мерное употребление): – 把米 /yī bǎ mǐ/ «горсть риса», – 把花 /yī bǎ huā/ «пучок цветов», – 把頭髮 /yī bǎ tóufa/ «прядь волос». В-третьих, 把 /bǎ/ используется в переносных и идиоматических выражениях: – 把年紀 /yī bǎ niánjì/ «немолодой возраст», 有兩把刷子 /yǒu liǎng bǎ shuāzi/ «кое-что умеет», – 把手 /yī bǎ shǒu/ «первое лицо»; в-четвёртых, выступает глагольным классификатором (показателем кратности) однократного действия рукой: 拉他–把 /lā tā yī bǎ/ «подать ему руку, помочь», 幫– 把 /bāng yī bǎ/ «помочь», 推了– 把 /tuīle yī bǎ/ «толкнул». Тем самым одна и та же единица представлена в нескольких морфологических позициях, сохраняя семантический инвариант «захват рукой».

Следует отметить, что в говорах провинций Хубэй и Хунань, а также в части говоров провинций Цзянси и Аньхой (цзянхуайские и юго-западные гуаньхуа, отчасти ганьские говоры) 把 /bǎ/ до настоящего времени функционирует как полнозначный глагол со значением «давать» и часто формирует двухобъектную конструкцию с порядком «глагол + тематический объект + адресат» (李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013). Так, в говоре Сяогань (провинция Хубэй; подобные примеры часто цитируются в диалектологических исследованиях):

(11) 把錢你。 /Bǎ qián nǐ/ «Даю тебе денег» (李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013).

(12) 把本書我。 /Bǎ běn shū wǒ/ / 把一本書我。 /Bǎ yī běn shū wǒ/ «Дай мне книгу» (李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013).

(13) 把個筆記本他。 /Bǎ ge bǐjìběn tā/ «Дай ему тетрадь» (李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013).

В тех же ареалах зафиксирована конструкция с двумя 把 /bǎ/ (так называемый «湖廣型雙把雙及物 /Húguǎng xíng shuāng bǎ shuāng jíwù/», «Двухобъектная конструкция с двумя 把 хугуанского типа»), где первый 把 /bǎ/ – предлог, второй – глагол:

(14) 把東西把他。 /Bǎ dōngxi bǎ tā/ «Дай ему вещь» (регион Чандэ, Хунань).

(15) 把本書把我。 /Bǎ běn shū bǎ wǒ/ «Дай мне книгу» (регион Личуань, Цзянси).

(16) 他把兩塊錢把了我。 /Tā bǎ liǎng kuài qián bǎle wǒ/ «Он дал мне два юаня» (регион Луцзян, Аньхой; все три примера – Цит. по: 李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013).

В примере (16) показатель совершенного вида 了 /le/ присоединяется ко второму 把 /bǎ/, что указывает на глагольный статус последнего.

В говорах провинции Хубэй 把 /bǎ/ образует также комплекс 把乞 /bǎqǐ/ (везде приведено пекинское чтение), совмещающий функции глагола «давать» (錢把乞他了 /Qián bǎqǐ tā le/ «Деньги отдал ему»), глагола в сочетании с предложным 把 /bǎ/ (我把錢把乞他了 /Wǒ bǎ qián bǎqǐ tā le/ «Я отдал ему деньги»), показателя пассива (他把乞我打了 /Tā bǎqǐ wǒ dǎ le/ «Его побил я», а не «Я им побит») и показателя распоряжения (我把乞他打了 /Wǒ bǎqǐ tā dǎ le/ «Я его побил») (李藍, 曹茜蕾 [Ли Лань, Шапель Х], 2013).

Из сказанного следует, что конструкции, в которых за 把 /bǎ/ следует не объект, а (на первый взгляд) субъект, то есть единственный актант непереходного глагола, деятель, должны, казалось бы, восприниматься как «аномальные»:

(17) 偏偏把老曹病了。 /Piānpiān bǎ Lǎo Cáo bìng le/ «Как назло, Лао Цао заболел» (陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986).

(18) 偏偏把老李病了。 /Piānpiān bǎ Lǎo Lǐ bìng le/ «Как назло, Лао Ли заболел» (呂叔湘 [Люй Шусян], 1999) ≈ «его + заболел».

(19) 怎麼把犯人跑了？ /Zěnme bǎ fànrén pǎo le?/ «Как это вы упустили преступника?» (呂叔湘 [Люй Шусян], 1999) ≈ «преступника + убежал».

Как бы ни трактовать 病了 /bìng le/ «заболел» – как активное действие («русифицированная», или «формальная», трактовка) или как признак с переходом в новое состояние в топиковом предложении (что представляется более естественным), – в предлоге 把 /bǎ/, маркирующем именно объект, нет необходимости; более того, с точки зрения «начальной» грамматики КЯ подобная конструкция с предлогом может выглядеть даже безграмотной или непонятной.

Тем не менее такие конструкции существуют и зафиксированы в нормативных справочниках и грамматических описаниях (呂叔湘 [Люй Шусян], 1999; 陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986), хотя в учебниках китайского языка начального уровня они, как правило, не рассматриваются. Именно эти конструкции и составляют предмет настоящей статьи.

Чэнь Цзяньминь формулирует данный тип так: «「把N」後面的V表示有所失。V大多是不及物動詞，如「病、死、飛、跑」，整個句子表示不如意的事» (陳建民, 1986, с. 136). Иначе говоря, глагол обозначает утрату, он в большинстве случаев непереходный, а всё предложение сообщает о неблагоприятном событии. В «Восьмистах словах» под ред. Люй Шусяна это выделено как отдельное значение 把 /bǎ/: «表示發生不如意的事，後面的名詞指當事者» (呂叔湘, 1999, с. 61). / «...означает, что произошло нежелательное событие, при этом последующее существительное указывает на участника (то есть лицо, вовлечённое в ситуацию)». Термин 當事者 /dāngshìzhě/ (букв. «участник, с которым происходит событие»), по-видимому, более уместен, чем 施事 /shīshì/ у Чэнь Цзяньминя.

Синтаксически различаются два подтипа.

В подтипе **А** (**без топика** или **подлежащего)** позиция топика не заполнена или «заменяется» модально-оценочным обстоятельством: 偏偏 /piānpiān/ «как назло, как нарочно, вопреки всему», 偏又 /piān yòu/ «и надо же было опять, к тому же ещё как назло», 怎麼 /zěnme/ «как, каким образом; почему, отчего», 真想不到 /zhēn xiǎngbudào/ «кто бы мог подумать». Помимо примеров (17)-(19), ср.:

(20) 把雞也飛了。 /Bǎ jī yě fēi le/ «И курица ещё улетела (пропала)» (陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986, с. 136).

В подтипе **Б** подлежащее (топик) вопреки «ожиданиям» носителя РЯ, указывает не на причинителя, а на того, кто понёс ущерб или отвечает за случившееся: 她把丈夫死了 /Tā bǎ zhàngfu sǐ le/ «У неё умер муж» (а не «Она уморила мужа»).

(21) 你怎麼把流氓跑了？ /Nǐ zěnme bǎ liúmáng pǎo le?/ «Как же ты упустил хулигана?» (陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986, с. 136).

(22) 去年她把丈夫死了，後來父母也去世了。 /Qùnián tā bǎ zhàngfu sǐ le, hòulái fùmǔ yě qùshì le/ «В прошлом году у неё умер муж, потом умерли родители» (Mandarin Temple, HSK 7-9).

(23) 錢沒掙著，卻把老公跑了。 /Qián méi zhèngzháo, què bǎ lǎogōng pǎo le/ «Денег не заработала, а муж от неё сбежал» (Mandarin Temple, HSK 7-9) (топик, по-видимому, зафиксирован в предшествующем контексте).

Типичными в таких конструкциях глаголами являются (в предельном, неаккузативном прочтении, то есть непереходные, они же – предикативы со значением качества: «быть каким-то») 病 /bìng/ «заболеть», 死 /sǐ/ «умереть», 跑 /pǎo/ «сбежать», 飛 /fēi/ «улететь», 丟 /diū/ «пропасть, потеряться», 沒 /méi/ «не стать, исчезнуть» (обычно с 了 /le/), 病倒 /bìngdǎo/ «слечь с болезнью», а также результативные глаголы с 走 /zǒu/ «уйти» (搬走 /bānzǒu/ «съехать»). Характерны также классификатор 個 /ge/ перед именем (把個 /bǎ ge/ N) и частица 也 /yě/ «тоже, ещё и»: она подчёркивает, что эта утрата наслаивается на другие.

С точки зрения «начальной» учебной грамматики КЯ такие конструкции выглядят нелогично, тогда как без предлога 把 /bǎ/ они вполне нормативны и ясны: некто совершает действие.

Помимо отсылок к диахронии (стилю драматических произведений эпох Юань и Мин, XIII-XVII вв.), ключевыми для объяснения «нетипичной» роли 把 /bǎ/ представляются конструкции, в которых 把 /bǎ/ маркирует побуждение (致使 /zhìshǐ/), эквивалентен побудительным глаголам 使 /shǐ/ или 讓 /ràng/ и де-факто может быть ими заменён.

Чэнь Цзяньминь (陳建民, 1986, с. 136) описывает их как 「把N+V+X（得X）含有致使義」, то есть «[конструкции], выражающие значение побуждения: 把 /bǎ/ + существительное или именная группа + глагол + результатив (возможно, с частицей 得 /de/)»; отметим, что в этой функции 得 /de/ часто соответствует 到 /dào/ в узусе ТГЮ. В качестве «глаголов» Чэнь Цзяньминь перечисляет 忙 /máng/ «быть занятым, хлопотать», 急 /jí/ «волноваться, нервничать», 氣 /qì/ «сердиться, злиться», 愁 /chóu/ «тревожиться, горевать», 樂 /lè/ «радоваться», 想 /xiǎng/ «скучать, тосковать», 怕 /pà/ «бояться», 疼 /téng/ «испытывать боль».

Примеры (все – 陳建民 [Чэнь Цзяньминь], 1986, с. 136):

(24) 怎麼這聲音就把你怕成那樣？ /Zěnme zhè shēngyīn jiù bǎ nǐ pàchéng nàyàng?/ «Да как же этот звук тебя так напугал?»

(25) 這個消息把老金樂壞了。 /Zhège xiāoxi bǎ Lǎo Jīn lèhuài le/ «Эта новость безумно обрадовала Лао Цзиня».

(26) 你可把我想死了。 /Nǐ kě bǎ wǒ xiǎngsǐ le/ «Как же я по тебе истосковался!»

(27) 把老兩口愁得沒有辦法。 /Bǎ lǎoliǎngkǒu chóu de méiyǒu bànfǎ/ «Старики извелись от беспокойства, не знают, что делать».

По замечанию Чэнь Цзяньминя (陳建民, 1986), в этих предложениях 把 /bǎ/ допустимо опустить или заменить на 使 /shǐ/, 讓 /ràng/, а при каузативном прочтении обычно требуется предшествующая клауза (先行句 /xiānxíngjù/), называющая причину: 兒子都這麼晚還不回來，把老兩口愁得沒有辦法 /Érzi dōu zhème wǎn hái bù huílai, bǎ lǎoliǎngkǒu chóu de méiyǒu bànfǎ/ «Сын так поздно, а всё не возвращается – стариков совсем извело». Тем самым примеры (25), (27) и (17) образуют шкалу по степени выраженности причинителя: он занимает позицию топика (25), выражен предшествующей клаузой (27) или не выражен вовсе (17); узкий «претерпевающий» тип – крайняя точка такой шкалы (см. Заключение).

Для понимания природы «претерпевающего» типа существенно, что в истории языка при помощи предлога 把 /bǎ/ вводились не только объект действия (把書看完了 /bǎ shū kànwán le/ «дочитал книгу») и единственный участник непереходного глагола (把老曹病了 /bǎ Lǎo Cáo bìng le/ «Лао Цао заболел»), но и типичный деятель-агенс. В словаре Министерства образования Тайваня среди значений 把 /bǎ/ выделено значение, эквивалентное предлогу-полупрефиксу пассива 被 /bèi/, проиллюстрированное примером из юаньской драмы-цзацзюй Сяо Дэсяна «Госпожа Ян убивает собаку, чтобы образумить мужа» (楊氏女殺狗勸夫):

(28) 這明明是天賜我兩個橫財，不取了他的，倒把別人取了去。 /Zhè míngmíng shì tiān cì wǒ liǎng ge hèngcái, bù qǔle tā de, dào bǎ biérén qǔle qù/ «Это же явно Небо послало нам двоим шальные деньги: не возьмём его [добро] – так его, чего доброго, заберут другие» (蕭德祥, 《殺狗勸夫》, второй акт – Цит. по: 重編國語辭典修訂本, словарная статья «把»).

Здесь 別人 /biérén/ «другие» – это те, кто может совершить действие «забрать», и при помощи 把 /bǎ/ оформляются так же, как в современной речи это делалось бы при помощи 被 /bèi/. Таким образом, 把 /bǎ/ мог сопровождать любого участника ситуации: того, кто действует, того, на кого направлено действие, и того, с кем нечто происходит.

Вместе с тем исходное прочтение примера (28), по-видимому, не собственно пассивное, а пермиссивно-каузативное: «допустить, чтобы другие забрали». Дословное же приравнивание к пассиву с 被 /bèi/ отражает, судя по всему, позднейшую реинтерпретацию или упрощённую словарную трактовку, вполне согласующуюся с цепочкой преобразований по смежности {«брать» → «давать» → «позволять, побуждать» → пассив}, которая наблюдается в современных говорах (о чём упомянуто выше); ср. диалектное 他把乞我打了 /Tā bǎqǐ wǒ dǎ le/ «Его побил я». Следовательно, на этом фоне предложение 把老曹病了 /bǎ Lǎo Cáo bìng le/ выглядит не аномалией, а реликтом некогда более широкого употребления.

Каузативные и «пассивные» употребления 把 /bǎ/ в языке эпох Юань – Цин (1271-1912 гг.) описаны в ряде работ (蔣紹愚 [Цзян Шаоюй], 2005, раздел «從表處置到表致使 – “把/將”字句功能的歷史發展»; 吳福祥 [У Фусян], 2015). У У Фусяна различаются «широкая», «узкая» и каузативная (致使義 /zhìshǐ yì/) конструкции распоряжения; отмечается также, что в минско-цинский период 把 /bǎ/, по-видимому, превращается в прагматический показатель, предшествующий предложению с агенсом-подлежащим и придающий ему оттенок несчастья или неблагоприятности (吳福祥 [У Фусян], 2015, с. 372-414). Это согласуется с выводом о негативной семантике «нетипичного» 把 /bǎ/, который обосновывается в настоящей статье.

В статье 2023 г. (Курдюмов, 2023) к аналогам эргативности в китайском языке наряду с топиковыми конструкциями отнесён и пассив с 被 /bèi/. В нём пассивным предлогом вводится деятель, подобно тому как в эргативных языках деятель при переходном глаголе получает особый падеж: 老太太也被風吹病了 /Lǎotàitai yě bèi fēng chuībìng le/ «Старую госпожу тоже продуло ветром» (Ван Ляо-и, 1954, с. 130). В конструкции с 把 /bǎ/ предлог вводит другого участника: того, кто претерпевает действие или состояние, причём независимо от того, «переходен» глагол или нет. В предложениях типа 場雨把孩子淋感冒了 /Yī cháng yǔ bǎ háizi lín gǎnmào le/ «Ребёнок попал под дождь [так, что] простудился», букв. «Один дождь + 把 /bǎ/ + ребёнок + промокнуть + простудиться + совершенный вид» (ЛА) обе стороны фактически совмещаются: причина названа, а претерпевающий отмечен 把 /bǎ/. Если же 被 /bèi/ и 把 /bǎ/ употреблены вместе, предлогами отмечены оба участника в пределах одной простой синтагмы (клаузы).

Если сопоставить диахронию, тополектное употребление и приведённые выше рассуждения (把 /bǎ/ ≈ 使 /shǐ/, 讓 /ràng/), то 把别人取了去 /bǎ biérén qǔle qù/ означает «допустить, чтобы другие взяли», а 把老李病了 /bǎ Lǎo Lǐ bìng le/ – «случилось (досадным образом) так, что Лао Ли заболел». Тем самым становится понятной интуитивная квалификация таких предложений как «пассивных»: в части узуса (центральные говоры, язык юань-минской драмы) одна и та же морфема 把 /bǎ/ может маркировать и претерпевающего, и агенса пассивной конструкции.

Совместное употребление предлогов 把 /bǎ/ и 被 /bèi/ в рамках одного высказывания в статье не рассматривается: такие конструкции подробно описаны в учебниках начального уровня (Задоенко, Хуан Шуин, 2002) и не представляют ничего «аномального».

Сопоставление вариантов оформления претерпевающего позволяет ответить на вопрос, поставленный во Введении: что побуждает говорящего выбрать конструкцию с 把 /bǎ/ там, где, казалось бы, логичны топиковая конструкция или пассив с 被 /bèi/. Исходя из вышесказанного, допустимы следующие факторы такого выбора.

Неблагоприятность и утрата. Конструкция сообщает не просто о событии, а о событии нежелательном для говорящего или пострадавшего (不如意 /bù rúyì/, 有所失 /yǒu suǒ shī/). Нейтральное 犯人跑了 /Fànrén pǎo le/ «Преступник [сам] сбежал» такой оценки не содержит.

Эмоциональная оценка. Её поддерживают модальные обстоятельства в начальной позиции 偏偏 /piānpiān/ «как назло, как нарочно, вопреки всему», 偏又 /piān yòu/ «и надо же было опять, к тому же ещё как назло», 怎麼 /zěnme/ «как, каким образом; почему, отчего», 真想不到 /zhēn xiǎngbudào/ «кто бы мог подумать», классификатор 個 /ge/ и частица 也 /yě/.

Имплицитная ответственность. В вопросах типа 怎麼把犯人跑了？ /Zěnme bǎ fànrén pǎo le?/ «Как вышло так, что преступник сбежал?» (при сближении с «русским» буквализмом – «…преступника сбежало») выражается упрёк: адресат допустил нежелательное событие (ср. выше: толкование 把 /bǎ/ ≈ 使 /shǐ/).

Отсутствие альтернативы с 被 /bèi/. Неаккузативные глаголы не образуют пассива с 被 /bèi/: сообщение «[Получилось так, что] я заболел» (при сближении с «русским» буквализмом – «…меня заболело») невозможно представить в виде *我被病了 /Wǒ bèi bìng le/. Поэтому именно 把 /bǎ/ оказывается средством подать событие «от претерпевающего» с оттенком неблагоприятности, который в «привычной» грамматике связан с пассивом 被 /bèi/.

Вывод претерпевающего из позиции топика. В 犯人跑了 «Преступник сбежал» (без 把 /bǎ/) претерпевающий является топиком, и предложение сообщает нечто о нём. В конструкции с 把 /bǎ/ предметом сообщения становится ситуация в целом и её оценка.

Тополектная стилистическая маркированность. «Претерпевающий» тип характерен для северной разговорной речи и «старопекинской» литературной традиции; в ТГЮ, где «претерпевающий» тип практически не встречается, ту же функцию выполняют конструкции с 給 /gěi/.

Ближайший русский аналог моделей типа 把老李病了 /Bǎ Lǎo Lǐ bìng le/ – безличное предложение с винительным падежом претерпевающего: *Лао Ли угораздило заболеть*, и подобные: *Его скрутило*, *Деда парализовало*, *Лодку унесло*. В обоих языках претерпевающий оформлен как (якобы) объект (винительный падеж / 把 /bǎ/), агенс в именительном падеже (в позиции топика) отсутствует, а событие подаётся как неконтролируемое и часто нежелательное.

Параллель тем более естественна, что 把 /bǎ/ в целом функционально эквивалентен русскому винительному падежу. Именно подобные русские конструкции Ф. Хаваш (Havas, 2009) называет «полуаккузативными» и рассматривает как след дономинативного строя. Разница в том, что РЯ как «язык банальной метафоры» и здесь сохраняет глагол действия (*унесло, скрутило*) с неназванным деятелем. КЯ обходится без него: 病 /bìng/ и 死 /sǐ/ – как упомянуто выше, не «русские» действия (предикативы состояния), а состояния, комментарии при топике, от которого действия не исходит.

Другие адекватные соответствия – неопределённо-личные предложения (*Преступника упустили*) и конструкция *у + род. п.* для подтипа Б (*У неё умер муж*). Последняя также выводит пострадавшего в начало фразы в косвенном падеже, как и севернорусское *У них уехано* (Курдюмов, 2023). Для каузативных конструкций (см. выше) адекватны конструкции с *так … что* и экспрессивные обороты: 把他高興得跳了起來 /Bǎ tā gāoxìng de tiàole qǐlai/ «Он так обрадовался, что подпрыгнул», 可把我累死了 /Kě bǎ wǒ lèisǐ le/ «Ох, я и вымотался» (ЛА).

Типичные ошибки русскоязычных учащихся и переводчиков обусловлены переносом на эти конструкции «начальных» правил. Так, предложение 她把丈夫死了。 /Tā bǎ zhàngfu sǐ le/ зачастую истолковывается учащимися как «Она уморила мужа» (местоимение при 把 /bǎ/ воспринимается как агенс распоряжения), тогда как адекватный перевод – «У неё (случилось так, что) умер муж». В предложении 偏偏把老李病了。 /Piānpiān bǎ Lǎo Lǐ bìng le/ русскоязычными учащимися ищется невыраженный агенс («Кто-то заставил Лао Ли заболеть»), хотя адекватный перевод – «Как назло, Лао Ли заболел» или «Лао Ли угораздило заболеть». Наконец, в вопросе 怎麼把犯人跑了？ /Zěnme bǎ fànrén pǎo le?/ предлог 把 /bǎ/ игнорируется, а 跑 /pǎo/ прочитывается учащимися буквально («Как преступник сбежал?»), тогда как адекватный перевод – «Как это вы упустили преступника?».

На Тайване предложения типа 把老李病了 /bǎ Lǎo Lǐ bìng le/ в спонтанной речи практически не встречаются. Согласно опросам, проведённым автором (ЛА), носители ТГЮ воспринимают их как книжный (знакомый по пройденной в школе или вузе литературе) или «северный материковый» стиль.

Семантика «с кем-то случилось досадное» в ТГЮ может выражаться при помощи глагола-предлога 給 /gěi/ – аналога русского дательного (но не винительного) падежа, побудительного глагола 讓 /ràng/ или «свёртываемого» глагола (де-факто глагола-предлога) 害 /hài/ «навредить, назло *кому*»:

(29) 給他跑掉了！ /Gěi tā pǎodiào le/ «Удрал от нас!» (ЛА) – претерпевающий маркирован 給 /gěi/; калька южноминьского 予伊走去 /hōo i tsáu-khì/.

(30) 差點給他跑了。 /Chàdiǎn gěi tā pǎo le/ «Чуть было не упустили» (ЛА) – то же, с модальностью.

(31) 讓他跑了。 /Ràng tā pǎo le/ «Дали ему убежать» (ЛА) – 讓 /ràng/, нейтрально-каузативное употребление.

(32) 害我等了半天。 /Hài wǒ děngle bàntiān/ «Из-за этого я прождал полдня» (ЛА) – 害 /hài/, неблагоприятная каузация.

Конструкция с 給 /gěi/ известна и в северокитайском узусе: 别給他跑了 /Bié gěi tā pǎo le/ «Не дай ему удрать», однако её северокитайское употребление требует отдельного рассмотрения. В ТГЮ именно она доминирует, что, возможно, связано с влиянием южноминьского аналога 予 /hōo/ «давать» и является ещё одним проявлением процесса индигенизации, или локализации (在地化 /zàidìhuà/), ТГЮ (何萬順 [Хэ Ваньшунь], 2010).

При рассмотрении конструкции 把老李病了 /bǎ Lǎo Lǐ bìng le/ в терминах предикационной концепции языка (Курдюмов, 1999) становится очевидным, что предицируется (характеризуется и утверждается) не деятель и не претерпевающий, а ситуация в целом. При этом, в терминах позиционной морфологии (Курдюмов, 1999) 把 /bǎ/ – единица, колеблющаяся между позициями глагола «брать/давать», предлога и двух базовых типов классификаторов. «Претерпевающий» тип можно рассматривать как результат перехода предложной позиции в сторону каузативного «служебного глагола» (≈ 使 /shǐ/, 讓 /ràng/): 把 /bǎ/ не столько маркирует объект, сколько вводит участника, «с которым случилось». В тополектах, где 把 /bǎ/ сохраняет глагольную позицию «давать» и развивает пассивную функцию, продемонстрирован тот же диапазон, но в более развёрнутом виде.

Иначе говоря, КЯ как «язык описания» строит предикацию не от деятеля, а от ситуации и её оценки. РЯ как «язык банальной метафоры» даже здесь имитирует действие: неназванная сила *унесла* лодку, *угораздила*, *скрутила*. Однако в обоих языках претерпевающий лишён статуса подлежащего и (хотя бы формально) оформлен как объект, что сближает языки различной и даже противоположной типологии на основе общего стремления имитировать эргативность и избегать формальной пассивной конструкции в разговорной речи.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Основной вывод состоит в том, что в «нетипичных» предложениях, где 把 /bǎ/ вводит единственного участника непереходного (неаккузативного) глагола или предикатива состояния (偏偏把老李病了 /piānpiān bǎ Lǎo Lǐ bìng le/, 怎麼把犯人跑了 /zěnme bǎ fànrén pǎo le/, 她把丈夫死了 /tā bǎ zhàngfu sǐ le/), предлог оформляет предложение со смыслом «получилось так, что…», «угораздило…»: событие подаётся как неподконтрольное и нежелательное для претерпевающего или для говорящего. Именно это негативное значение, а не распоряжение объектом и не пассив в собственном смысле, составляет содержание конструкции и мотивирует её выбор вместо стандартной топиковой конструкции или пассива с 被 /bèi/. Ближайшими русскими эквивалентами являются безличные предложения типа «Его угораздило заболеть», «Лодку унесло»; в учебных целях допустимы также буквализмы «*Его заболело», «*Преступника сбежало» (по модели «*Кого/что сделало?»).

Частные выводы исследования сводятся к следующему.

Во-первых, предлог 把 /bǎ/ представляет собой позиционную единицу, колеблющуюся между позициями глагола, предлога и классификатора с общим инвариантом «захват рукой». В вариантах КЯ на пекинской основе глагольная позиция практически утрачена, однако в тополектах провинций Хубэй, Хунань, Цзянси и Аньхой 把 /bǎ/ остаётся полнозначным глаголом «давать», развивающим также функции показателя пассива и распоряжения.

Во-вторых, функционально 把 /bǎ/ эквивалентен русскому винительному падежу, но, в отличие от него, совмещает падежную функцию с перестройкой порядка компонентов предложения (объект перед глагольной группой); объект при 把 /bǎ/ референциально известен или легко идентифицируем, а сам предлог маркирует переходность и результативность воздействия. Тем самым 把 /bǎ/ служит критерием переходности: в квазипереходных конструкциях (我住臺北 /Wǒ zhù Táiběi/ «Я живу [в] Тайбэе», 她飛上海 /Tā fēi Shànghǎi/ «Она летит [в] Шанхай») вынесение «объекта» при помощи предлога 把 /bǎ/ невозможно даже при наращивании глагольных показателей – для этого требуются глаголы-предлоги 在 /zài/ или 到 /dào/.

В-третьих, конструкция «把 /bǎ/ + существительное + непереходный глагол / предикатив состояния» в узком виде (偏偏把老李病了 /Piānpiān bǎ Lǎo Lǐ bìng le/) в КонтПТХ стилистически маркирована, а в ТГЮ практически отсутствует. Её семантика – «с кем-то случилось нежелательное» (不如意 /bù rúyì/, 有所失 /yǒu suǒ shī/). Вместе с тем конструкция типа 偏偏把老曹病了 составляет крайнюю точку парадигматической шкалы каузативных предложений с 把 /bǎ/, в которых именная группа после 把 /bǎ/ обозначает не пациенса, а экспериенцера, то есть единственного актанта непереходного глагола / предикатива состояния. Шкала упорядочена по степени выраженности причинителя: он стоит в позиции подлежащего (這個消息把老金樂壞了 /Zhège xiāoxi bǎ Lǎo Jīn lèhuài le/ «Эта новость безумно обрадовала Лао Цзиня»), затем выражен предшествующей клаузой (兒子都這麼晚還不回來，把老兩口愁得沒有辦法 /Érzi dōu zhème wǎn hái bù huílai, bǎ lǎoliǎngkǒu chóu de méiyǒu bànfǎ/ «Сын так поздно, а всё не возвращается, и стариков совсем извело, не знают, что и делать») и, наконец, отсутствует полностью (偏偏把老曹病了 /Piānpiān bǎ Lǎo Cáo bìng le/ «Как назло, Лао Цао заболел»). Начальные участки шкалы, с результативным или описательным предикатом, обычны и в КонтПТХ, и в ТГЮ; её конечная точка периферийна в КонтПТХ и практически отсутствует в ТГЮ.

В-четвёртых, «претерпевающий» тип возможен только с неаккузативными глаголами (предикативами состояния): единственный участник оформляется предлогом 把 /bǎ/ так же, как пациенс. Это лишь локальная абсолютивная (эргативоподобная) группировка семантических ролей (S = O ≠ A), но не признак эргативного строя КЯ в целом.

В-пятых, исторические (юань-минская драма: …倒把别人取了去 /…dào bǎ biérén qǔle qù/ «…чего доброго, заберут другие») и тополектные (把乞 /bǎqǐ/) данные показывают, что при помощи 把 /bǎ/ оформляется и агенс; толкование 把 /bǎ/ ≈ 使 /shǐ/ в узком типе получает диахроническое и диалектное подтверждение. Этим объясняется и интуитивная квалификация таких предложений как «пассивных», в том числе на занятиях с русскоязычными студентами.

В-шестых, выбор конструкции с 把 /bǎ/ мотивирован коммуникативно-стилистически: оценкой события как неблагоприятного (不如意 /bù rúyì/), эмоциональной реакцией говорящего, имплицитной ответственностью адресата и регистром (северная разговорная речь). Для неаккузативных глаголов, не образующих пассива с 被 /bèi/, на конструкции с 把 /bǎ/ фактически переносится функция «пассива» – подачи события «от претерпевающего» – без выдвижения претерпевающего в позицию топика.

В-седьмых, в отличие от КонтПТХ, в ТГЮ функция «претерпевания» часто оформляется предлогом 給 /gěi/, эквивалентным русскому дательному, а не винительному падежу (給他跑了 /Gěi tā pǎo le/ «Получилось так, что он убежал», «*Ему убежало»), вероятно, под влиянием южноминьского 予 /hōo/.

В-восьмых, адекватными русскими эквивалентами являются безличные предложения с винительным падежом (*его угораздило, лодку унесло*), неопределённо-личные (*преступника упустили*) и конструкция *у* + *род. п.* (*у неё умер муж*). Таким образом, подтверждается вывод предыдущей статьи (Курдюмов, 2023): оба языка избегают формального пассива и располагают собственными эргативоподобными средствами, причём, как показано в настоящей работе, и для непереходных глаголов / предикативов состояния.

Наконец, типичная ошибка перевода (她把丈夫死了 /tā bǎ zhàngfu sǐ le/ → *«Она уморила мужа») имеет ту же природу, что и перевод топиковых предложений возвратными формами: поиск деятеля в именительном падеже там, где он отсутствует. Её устойчивость поддерживается тем, что в начальных учебных курсах предлог 把 /bǎ/ объясняется через правило распоряжения (де-факто аналог аккузатива).

Перспективы дальнейшего исследования связаны с корпусной проверкой частотности рассмотренных конструкций (BCC, CCL, Sinica Corpus), систематическим сбором исторических примеров каузативного и «пассивного» 把 /bǎ/ (Юань – Цин), привлечением диалектного материала (пекинский и северо-восточные говоры, центральные говоры с глагольным 把 /bǎ/, южноминьские конструкции с 予 /hōo/), сопоставлением других неаккузативных конструкций КЯ с русскими безличными и «у-конструкциями», а также с обобщающим исследованием функционирования глаголов-предлогов КЯ в норме, узусе и тополектах.

Материалы исследования | Research materials

1. Личный архив автора (ЛА): записи наблюдений над устной речью на тайваньском гоюй и материалы опросов носителей. Тайвань, 2009-2026 гг.
2. Chinese Testing International. HSK 7-9. https://www.chinesetest.cn/HSK/7-9
3. Mandarin Temple. HSK 7-9: 把-sentence 5. https://mandarintemple.com/chinese-grammar/hsk-7-9/ba-sentence-5
4. TOCFL. Exam Resources. https://tocfl.edu.tw/tocfl/index.php/exam/resources
5. 重編國語辭典修訂本 / 中華民國教育部 (Пересмотренный словарь государственного языка / Министерство образования Китайской Республики). Словарная статья «把»: цитата из драмы Сяо Дэсяна «楊氏女殺狗勸夫» («Госпожа Ян убивает собаку, чтобы образумить мужа»). https://dict.revised.moe.edu.tw
6. 國際中文教育中文水平等級標準 (GF0025-2021). 北京: 北京語言大學出版社, 2021 (Стандарты уровней владения китайским языком для международного обучения китайскому языку (GF0025-2021). Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2021).
7. 杜甫. 九日藍田崔氏莊 // 維基文庫 (Ду Фу. В девятый день [девятой луны] в усадьбе семьи Цуй в Ланьтяни // Викитека). https://zh.wikisource.org/wiki/九日藍田崔氏莊

Источники | References

1. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1954.
2. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14).
3. Задоенко Т. П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М.: Цитадель, 2002.
4. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М.: URSS, 2016.
5. Кондратова Т. И. Литература Китая. М.: Московский городской педагогический университет, 2020.
6. Курдюмов В. А. Аналоги пассивного залога и эргативности в китайском и русском языках (с учётом опыта коммуникации в языковой среде гоюй) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9. https://doi.org/10.30853/phil20230476

7. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М.: Военный университет, 1999.
8. Курилович Е. Эргативность и стадиальность в языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. V. Вып. 5.
9. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике.
10. Методика обучения китайскому языку и переводу в полипарадигмальной интерпретации современных педагогических исследований: коллективная монография. М.: Издательский дом ВКН, 2021.
11. Япония: цивилизация, культура, язык: коллективная монография. СПб.: Art-xpress, 2022.
12. Havas F. Полуаккузативная конструкция русского языка и её значение с исторически-типологической точки зрения // Studia Russica XXIII. Budapest, 2009.
13. Tsao Feng-fu. A Topic-Comment Approach to the Ba Construction // Journal of Chinese Linguistics. 1987. Vol. 15. No. 1.
14. 陳建民. 現代漢語句型論. 北京: 語文出版社, 1986 (Чэнь Цзяньминь. Теория типов предложений современного китайского языка. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 1986).
15. 何萬順. 論台灣華語的在地化 // 澳門語言學刊. 2010. № 35.1 (Хэ Ваньшунь. К вопросу об индигенизации тайваньского китайского языка // Лингвистический журнал Макао. 2010. № 35.1).
16. 蔣紹愚. 近代漢語研究概要. 北京: 北京大學出版社, 2005 (Цзян Шаоюй. Очерк исследований среднекитайского языка. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2005).
17. 李藍, 曹茜蕾. 漢語方言中的處置式和“把”字句（上、下）// 方言. 2013. 第1、2期 (Ли Лань, Шапель Х. Конструкции распоряжения и предложения с «把» в китайских диалектах. Ч. 1-2 // Диалекты. 2013. № 1-2).
18. 呂叔湘. 把字用法的研究 (1948) // 呂叔湘. 漢語語法論文集. 北京: 商務印書館, 1984 (Люй Шусян. Исследование употребления «把» (1948) // Люй Шусян. Сборник статей по грамматике китайского языка. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1984).
19. 呂叔湘 (主編). 現代漢語八百詞（增訂本）. 北京: 商務印書館, 1999 (Люй Шусян (ред.). Восемьсот слов современного китайского языка. Доп. изд. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1999).
20. 權芙經. 處置式語法化問題再探討 // 中國語文學. 2012. 第59輯 (Цюань Фуцзин (Kwon Bu-kyung). Ещё раз о грамматикализации конструкции распоряжения // Китайская филология. 2012. Вып. 59).
21. 沈家煊. 如何處置“處置式”？– 論把字句的主觀性 // 中國語文. 2002. 第5期 (Шэнь Цзясюань. Как «распорядиться» конструкцией распоряжения? О субъективности предложений с «把» // Китайский язык. 2002. № 5).
22. 王力. 中國現代語法. 上海: 商務印書館, 1943 (Ван Ли. Современная китайская грамматика. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1943).
23. 吳福祥. 近代漢語語法. 北京: 中國社會科學出版社, 2015 (У Фусян. Грамматика среднекитайского языка. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2015).
24. 葉向陽. "把"字句的致使性解釋 // 世界漢語教學. 2004. 第2期 (Е Сянъян. Каузативное толкование предложений с «把» // Преподавание китайского языка в мире. 2004. № 2).
25. 余文青. 留學生使用“把”字句的調查報告 // 漢語學習. 2000. 第5期 (Юй Вэньцин. Отчёт об исследовании употребления предложений с «把» иностранными студентами // Изучение китайского языка. 2000. № 5).
26. 曾立英. 現代漢語作格現象研究. 北京: 中央民族大學出版社, 2009 (Цзэн Лиин. Исследование эргативных явлений в современном китайском языке. Пекин: Изд-во Центрального ун-та национальностей, 2009).
27. 張伯江. 論“把”字句的句式語義 // 語文研究. 2000. 第1期 (Чжан Боцзян. О конструкционной семантике предложений с «把» // Исследования языка и письменности. 2000. № 1).
28. 朱德熙. 語法講義. 北京: 商務印書館, 1982 (Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1982).

Информация об авторах | Author information

RU

Курдюмов Владимир Анатольевич[1], д. филол. н., проф.
[1] Московский городской педагогический университет

EN

Vladimir Anatolievich Kurdyumov[1], Dr
[1] Moscow City University

[1] *vkplans@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.11.2026; опубликовано online (published online): 26.11.2026.

Ключевые слова (keywords): китайский язык; неаккузативные глаголы; эргативность; предикативы состояния; китайские предлоги; Chinese language; unaccusative verbs; ergativity; stative predicates; Chinese prepositions.